

culture@izvestia.ru

ПИСАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ:**

«Меня воспринимают как олигарха от гуманитарной среды»

Известия. 2006. - 9 авг. - с. 10

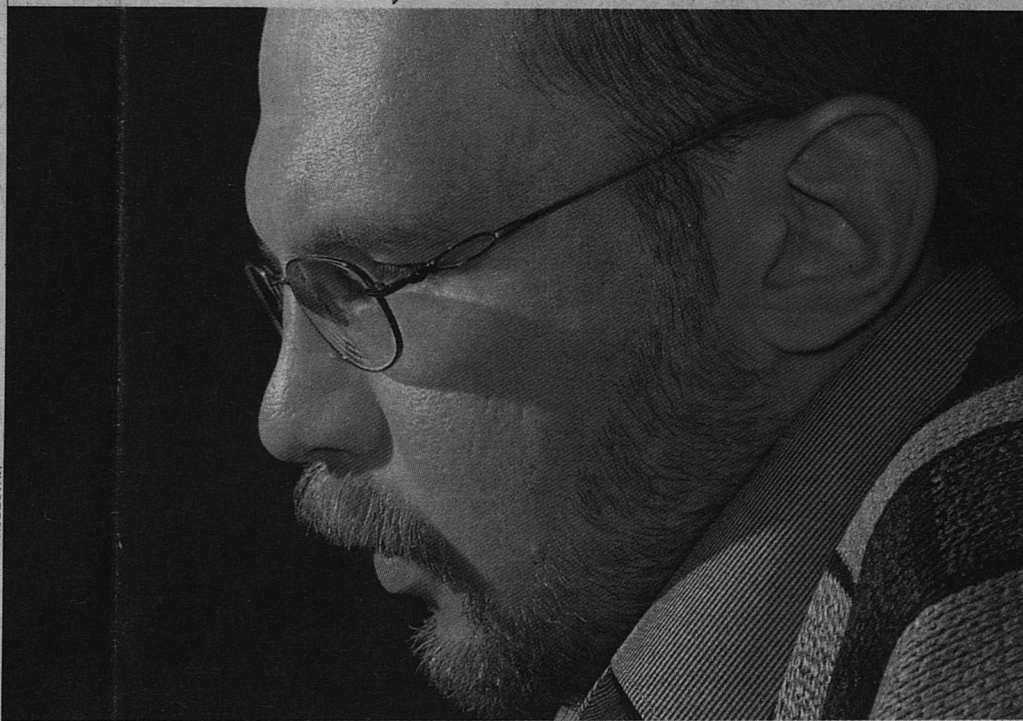

ФОТО: НИКИТА РЫБАКОВ «ИЗВЕСТИЯ»

Алексей Иванов — один из самых модных сегодня отечественных прозаиков, автор бестселлеров «Географ глобус пропил», «Сердце Пармы», «Золото бунта», «Общага-на-крови». Иванова любят все: интеллектуалы за оригинальный художественный язык, массовый читатель за динамичный сюжет, власти — за имперские взгляды. Однако быть звездой в российской провинции нелегко. Об этом Алексей Иванов рассказал корреспонденту «Известий» **Наталье Кочетковой**.

ВОПРОС: Что вы любили читать в детстве?

ОТВЕТ: Фантастику. И то, что положено по школьной программе, а сверх того — достаточно мало. Помню, что с удовольствием читал Алексина, хотя видел, что на реальную жизнь это нисколько не похоже.

В: Вы начинали как фантаст. Почему потом отказались от этого?

О: Потому что фантастика была для меня возрастным явлением. Я перерос ее.

В: Как случилось, что вы принялись за исторический роман?

О: Никакого толчка, никакого особенного события не было. Меня заинтересовала эта тема, и я решил ею заняться глубже, основательнее. Из темы выросла «Парма».

В: Как вы работали с исторической лексикой? Откуда появились все эти «шитики», «хумляльть»?

О: В основном из словарей.

В: Придуманные были?

О: В «Золоте бунта» было, но не очень много, процентов десять, а в «Парме» чуть побольше. Например, я придумал название татарской лодки «шибаса». Я не знаю, как в XV веке у татар назывались речные лодки. Слово «хумляльть» я тоже придумал. Правда, я прочитал в интернете, что кто-то слышал это слово еще в начале 1990-х

годов, но сомневаюсь, поскольку сам придумал его, когда писал роман. Но все сделано исходя из фонетики и словообразования тех языков, на которые я ориентировался — татарский, мансийский.

В: А верховые лоси откуда взялись?

О: То, что лоси были приручены, — это факт, который сложно оспорить, он подтверждается археологическими раскопками. Были ли они верховыми — не знаю. Но я смотрел по Би-би-си фильм, там показывали, как ездили верхом на лосях. В Печоро-Илычском заповеднике на Северном Урале до сих пор есть фермы, где лоси приручены. А недавно я узнал, что во время Северной войны Петра I, когда Петр воевал с Карлом XII, у Карла было несколько отрядов егерей, которые перевозили по лесам, по снегам пушки. Там тоже были и верховые, и выючные лоси. Так что ничего удивительного в этом нет.

В: Авторы исторических романов — Загоскин, Пушкин, Алексей Константинович Толстой, — обращаясь к истории, часто решали какую-то современную задачу. В вашем случае это так?

О: Я не решал современные задачи в актуальном смысле. Я пытался написать такую вещь, которая говорила бы о региональ-

ной идентичности. Что такое Урал в частности и провинция в целом, какие особенности жизни есть на Урале, как взаимосвязан характер местности, то есть ландшафт, с региональным менталитетом. Вот о чем я писал. Может быть, потому роман и оказался современным, что эти вещи были охарактеризованы точно. Я никаких параллелей между прошлым и настоящим не провожу, они напрашиваются сами.

В: Вы можете сказать о себе, что вы патриот?

О: Могу.

В: То есть идея, высказанная Зыряном в «Парме», что нужно найти свою Родину, к ней прикрепиться и ее любить, вам близка?

О: Конечно, близка.

В: Вы не думали перебраться в Москву или Питер — поближе к издателям и столичной литературной жизни?

О: Я допускаю эту ситуацию как гипотетическую, но не думаю, что будет такая жизненная необходимость. При нынешних средствах коммуникации не вижу смысла переезжать. В тех случаях когда недостаточно телефона и интернета, достаточно недолгого — не больше месяца — присутствия. Для этого не надо переезжать в столицу.

В: Если бы вас попросили написать про другой российский регион, вы смогли бы это сделать?

О: Нет, тем более что меня уже просили написать про Великий Новгород. Я отказался. Понимаете, это вещи органичные, они должны вырастать не только из самой земли, но и из личной жизни. Если ты не чувствуешь этой местности, если ты турист, как ты можешь писать об идентичности?

В: В Перми как относятся к вашей известности? Вы там местный герой?

О: Когда я говорю с какими-нибудь людьми из Перми в столице, они уверяют, что меня читают, очень любят, высоко ценят. Тем не менее дома я ничего этого не вижу. Бывает, неделя за неделей ни одного звонка, ни одного письма, никаких приглашений. Я себя в Перми ощущаю невостребованным человеком. Мне кажется, очень многие ко мне относятся плохо. Видимо, завидуют. Скорее всего дома меня воспринимают как некоего олигарха от гуманитарной среды, который торгует в столице региональной идентичностью, запечатав ее в евроупаковку. У меня была встреча со студентами университета. Никто не спрашивал ни о героях, ни об идеях произведений. Спрашивали про кинематограф, про цены не спрашивали — поскольку это коммерческая тайна, но я видел, что хотели спросить.

В: Вы бы рассказали?

О: Нет.